

**подвиг
на века**

ПЕСНЯ-ВОИН

Л. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ,
народная артистка СССР

Недавно из редакции газеты «Вечерний Минск» передали письмо, которое меня несказанно взволновало. Незнакомая мне женщина — Мария Шелопухина писала: «Мой муж часто рассказывал об артистке, которую он много раз слышал на фронте, на передовой. И после войны он, демобилизованный офицер, всегда замирал у репродуктора, когда слышал знакомый голос. А однажды рассказал домашним такую историю:

...Было короткое затишье между боями. Войцы отдыхали. И вдруг кто-то громко и радостно сообщил, что приехала фронтовая концертная бригада. Быстро откинувшись борт потрепанного грузовика, и он превратился в сцену. Начался концерт, но вскоре рев фашистских самолетов заглушил голоса артистов. Войцы кинулись к зениткам, кто-то залег, замаскировался, а женщина продолжала стоять на «сцене» и пела...

Дорогая редакция! Я не знаю адреса этой смелой женщины, знаю только имя. Передайте, пожалуйста, этот листок Л. П. Александровской, о которой с таким уважением рассказывал старый фронтовик».

Я думаю, что читатели не сочтут нескромностью, что я процитировала столь лестное для меня письмо. Думаю, что его с полным правом можно адресовать десяткам и сотням артистов фронтовых бригад, которые плечом к плечу с солдатами сражались — да именно сражались! — за нашу Победу. А то, что фронтовики тридцать лет спустя вспоминают наш ратный труд, говорит о том, что песня была нужна им, что песня всю войну была в боевом строю.

Очевидно, для каждого из нас война началась одинаково — разрывами бомб 22 июня, и для каждого по-своему. Я имею в виду психологическое состояние. Не будем скрывать, сама неожиданная чудовищность случившегося не могла не травмировать, не внести сумятицу в душу. Собраться, зажать все чувства, все мысли в один кулак, направить волю к одному — к победе, это было нелегко. Поверьте.

...Словно это было вчера, вспоминаю я первый концерт фронтовой бригады. Я стояла неподалеку от импровизированной сцены, ожидая своего выхода. И волной нахлынули воспоминания только что пережитого. Пылающий родной город, потоки беженцев на горестных дорогах войны. Я с большим сыном на руках. Серые лица солдат, которые подобрали нас в свою полуторку. И слезы впервые за эти страшные месяцы полились из глаз. Не утирая их, я шагнула на сцену и запела песню о Беларуси, о родной синеей земле. Я чувствовала, как горький комок в груди тает, тает... В тот день я стала солдатом. Вот почему, дорогая Мария Шелопухина, я не покинула «сцены», когда нас обстрелили с воздуха. Было страшно, не скресо. Но покинуть сцену я не могла: она была нашей «огневой позицией», а мы были солдатами. Ведь после концерта нередко наши зрители отправлялись прямо в бой, и многие не возвращались. Война жестока, но че-

ловек должен идти в бой с верой, что он вернется.

Думаю, что услышать эту веру помогала наша песня. Помню, это было на Калининском фронте. Мы приехали в танковую часть буквально за час до начала атаки. Я пела, стоя на броне танка. Пела популярную «Бывайте здоровы, живите богато». Как-то сама собой сложилась импровизация, и последний куплет я спела иначе, чем раньше.

Бываце здаровы,
жывіце багата
І зноуку вярнемся мы
у свае хаты.
И зноу на палях і далінах
прывільных
Цвісці Беларусі, землі
нашэй вольнай.

Если говорить о литературных достоинствах этой импровизации, то, конечно, они далеки от совершенства. Но в тот момент это было то, что надо.

Каждый из артистов, кто побывал на фронте, испытал это ни с чем не сравнимое чувство своей сопричастности тому великому, что сегодня мы называем ратным подвигом нашего народа. Это чувство вселяло уверенность, оно помогало с риском для жизни, где ползком, где бегом пробираться на передовую, спать в сырой землянке, давать по несколько концертов в сутки в самых, казалось бы, невероятных условиях.

...Я не знаю имени того юноши. Он, обгоревший, с черными ямами вместо глаз лежал на койке фронтового госпиталя. Я подошла к нему. Врач тихо сказал:

— Вы хотите послушать песни, к нам приехали артисты?

Юноша, казалось мне, ничего не ответил, но врач кивнул головой — пойте. Я запела, а сама думаю одно: только бы не дрогнул, не сорвался голос, только бы не разрыдаться. Не знаю, долго ли пела, но вдруг слышу: «Спойте...», и раненый называет незамысловатую, очень популярную до войны песенку о любви, о весне, о молодом счастье. Она у всех была на слуху, и я, как могла, спела. Тут произошло чудо. Лицо танкиста дрогнуло, сожженные губы раздвинулись в чуть заметной улыбке.

Я не знаю имени этого мужественного человека, но, если он остался жив, хочу, чтобы он узнал — эта минута была одной из самых горестных и самых светлых минут в моей жизни.

Недавно мне довелось быть участником Всесоюзного совещания писателей, которое проходило у нас, в Минске. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне и советская литература — вот та огромная, неисчерпаемая тема, которая была вынесена на обсуждение такого представительного форума. Разговор сложился, да это и вполне правомерно, шире — советское искусство о Великой Отечественной. Какая мысль была главной, красной нитью проходила в размышлениях и убежденных седидами ветеранов, и писателей, что пришли в литературу недавно? Неотделимость нашего искусства от судьбы народной.

Народ, его вера в Победу в самые трудные дни войны питали гений Д. Шостаковича, придавали силу поэзии

К. Симонова, А. Твардовского, А. Суркова, белорусских поэтов Я. Коласа, Я. Купалы, П. Бровки, А. Кулешова и многих, многих других. А разве не показательно, что, когда враг был неподалеку от Москвы, когда Ленинград задыхался в тисках блокады, когда Белоруссию отделяли сотни выжженных километров, в Москве, в Зале имени Чайковского состоялся концерт «Мы идем, Беларусь!». В нем вместе с нами, белорусскими артистами, приняли участие мастера русской сцены. В этот вечер я впервые исполнила песню М. Шнейдермана «Мы идем, Беларусь!», полную веры в Победу. В этом же концерте также впервые прозвучала песня И. Любана «Тост», потом широко популярная. Ноты этой песни композитор мне прислал с передовой.

Именно вера в Победу, воля к Победе помогали Е. Тикоцкому во время жестоких бомбежек, в убежище (каждую ночь!) упорно трудиться над оперой «Алеся», которой мы мечтали открыть свой первый сезон в освобожденном Минске.

Наша мечта сбылась. Мы пришли! В 1944 году в разрушенном, сгоревшем дотла Минске состоялась премьера оперы о подвиге белорусских партизан. Это был незабываемый спектакль. Еще задолго до начала по темным улицам, к полуразрушенному Дому офицеров стекался народ. Зал не мог вместить всех желающих, но люди не расходились. Они оставались у подъезда, в сквере напротив. Сюда доносились звуки оркестра, и этого уже было достаточно, и это уже было счастьем. А когда хор запел партизанскую песню, весь зал встал. Люди, прошедшие суровыми дорогами войны, смотревшие смерти в глаза, не скрывали слез. А я в эти минуты вспоминала фронтовые бригады, госпитали, худого, изможденного Евгения Карловича Тикоцкого в уголке бомбоубежища над нотным листом, моего друга, композитора И. Любана, который присылал с фронта прекрасные песни, и многих, многих других, кто вернулся, и кто не дожид до этого светлого часа.

Тридцать лет... Это не три дня. Три месяца, три года. В мир пришли новые поколения. Те, счастливые, что не пережили войны. Часто я достаю старую папку, в ней ноты — листы, пожелтевшие от времени. Песни Блантера, Мокроусова, Соловьева Седого, братьев Покрасс, Тикоцкого, Любана. Многие с дарственными надписями, на некоторых даты 1941, 1942, 1943 годы и приписка: «Западный фронт. Действующая армия». Бесконечно дорогие реликвии. Но реликвии ли только? Нет! И сегодня все эти песни должны находиться в боевом строю. Они выдержали самое трудное испытание на прочность — испытание временем. Обязанность нас, ветеранов, сделать так, чтобы песню военных лет знали больше, пели шире. Мы должны прививать вкус к этой песне своим ученикам, мы должны идти с ней в молодежную аудиторию, которая так чутка к хорошей песне.

МИНСК.